

1967

Каждый год пресвитерианская церковь устраивала пасхальную ярмарку. Ранним субботним утром длинный покатый склон холма, на котором стояла церковь, обрастал шатрами, расписными киосками, аттракционами, предоставляемыми увеселительной компанией «Счастливые деньки», и большими деревянными ларьками на колесах, чьи окна медленно заполнялись намасленным попкорном. Белый кролик в шесть футов ростом чинно кланялся, раздавая драже из корзинки. После полудня за зданием воскресной школы устраивали поиски пасхальных яиц, и победители получали в награду шоколадных курочек. Отовсюду неслась музыка, обрывки томных мелодий переплетались, а в воздухе пахло неизменной сахарной ватой.

Однако климат Балтимора непредсказуем. Иногда для ярмарки бывало слишком холодно. В тот год, когда Пасха пришлась на март, трава подрасти не успела, и поиски яиц обратились в комедию. Они глупо лежали у всех на виду, разбросанные по лысой

бурой лужайке, и дети хватали их руками в варежках. Взрослые в свитерах и шарфах стояли вокруг, нахолодившись. Выглядели они так, точно забрели ненароком не в то время года. Без людей ярмарка производила бы более приятное впечатление — полосатые шатры, плещущие фестонами весенних расцветок, играющая «После бала» карусель и скачущие без седоков пластмассовые лошадки.

В бело-зеленом шатре, освещенном изнутри зеленоватым светом, шел кукольный спектакль, и публику пробирала дрожь при виде Золушки в бальном платье без бретелек. То была перчаточная кукла с круглой головкой и локонами из желтых ниток. Она танцевала с Принцем, причесанным, как мальчик на банке краски «Голландский парнишка». Они так любовно обнимали друг друга — легко было забыть, что это всего лишь две сомкнутые ладони. «Какой у тебя прекрасный дворец, — говорила Принцу Золушка. — Полы словно зеркальные. Интересно, кто их натирает?»

Голос у нее был грудной, насмешливый, нисколько не кукольный. Никто не удивился бы, увидев пар над ее намалеванным ртом.

Принц сказал: «Понятия не имею, мисс... как, вы сказали, вас зовут?»

Вместо ответа она опустила взгляд на свои ноги. Пауза затянулась. На складных стульях заерзали дети. Становилось все яснее, что бальный зал — это никакой не зал, а огромная картонная коробка с вырезанной передней стенкой и марлевой занавеской на задней. Какой-то ребенок среди зрителей сказал:

— Я писать хочу.

— Чш-ш.

«Как вас зовут?» — повторил Принц.

Почему она молчит?

На самом деле, поняли дети, это всего только кукла. Они откинулись на спинки стульев. Что-то пошло не так. Даже на лицах родителей обозначилось недоумение.

Неожиданно Золушка самым неестественным образом упала ничком, из-под юбки ее выскользнула и скрылась за марлевым занавесом человеческая ладонь. Дети вытаращили глаза. На сцене лежала мертвая, пустая оболочка Золушки, откинувшая назад словно бы сломанные руки.

— Все кончилось? — спросил у матери кто-то из детей.

— Тише. Сиди спокойно. Ты же знаешь, чем это кончается.

— Ну а где тогда остальное? Может, пойдём отсюда?

— Подожди. Там кто-то показался.

Это был взрослый — условно говоря; он ощупью выбрался из-за простыни, которая висела с одного боку сцены. Смуглый худой юноша в штанах хаки и ржавого цвета вельветовой куртке поверх старой, до полусмерти застиранной белой рубашки. В нем ощущалась какая-то ожесточенность — в изгибе губ, может быть, или в вызывающе приподнятом подбородке.

— Леди и джентльмены... — сказал он, проведя ладонью по волосам. — Мальчики и девочки...

— Это Принц, — сказал ребенок.

— Мальчики и девочки, случилась... болезнь. Представление окончено. В кассе вы сможете получить назад ваши деньги.

Он отвернулся, не дожидая реакции публики, и ухватился за простыню, но затем ему, похоже, пришла в голову новая мысль.

— Извините, — сказал он и снова провел ладонью по волосам (то-то они были такими всклокоченными и спутанными). И спросил: — Нет ли здесь врача?

Зрители переглядывались — большинству было лет пять. Врача не оказалось. Молодой человек коротко и резко вздохнул, приподнял угол простыни. Но тут встал сидевший в заднем ряду мужчина.

— Я врач, — сказал он.

Высокий, худощавый, бородатый мужчина в костюме из ворсистой коричневой ткани, вполне пригодной для шитья одеял, в красной лыжной шапочке конусом, с помпоном. Из-под шапочки выбивались пряди вьющихся черных волос. Борода у него была такой растрепанной, черной и лохматой, что определить возраст мужчины было затруднительно. Сорок? Сорок пять? Во всяком случае, он был намного старше обычного зрителя кукольных спектаклей, а ребенок, который мог бы объяснить его присутствие здесь, мужчину не сопровождал. Он вытянул шею, добродушно улыбаясь, поводя из стороны в сторону длинным тощим носом и ожидая, когда ему скажут, чем он может помочь. Молодой человек немного успокоился, напряжение отчасти сошло с его лица.

— Идите сюда, — сказал он, откидывая простыню.

Переступая через ноги взрослых, обходя уже устремившихся наружу детей, доктор направился к молодому человеку. Добрался, вытер о брюки ладони и нагнулся, чтобы пройти под простыней.

— С кем тут неладно? — спросил он.

— С ней, — ответил молодой человек и указал на сидевшую поверх кипы муслиновой ткани светловолосую девушку.

Узкокостная, хрупкая, но с огромным животом, она сидела, баюкая свой живот, оберегая его, и смотрела на доктора спокойными серыми глазами. Губы ее были до того бесцветными, что почти и неразличимыми.

— Понятно, — сказал доктор.

Поддернув брюки, он опустился рядом с ней на колени, наклонился, чтобы положить ладонь ей на живот. Пауза. Доктор хмурился, глядя на стену шатра, что-то прикидывая.

— Да... — Он выпрямился, взглянул девушке в лицо и спросил: — Какие промежутки между схватками?

— Никаких, — насмешливым голосом Золушки ответила девушка.

— Идут одна за другой? А когда начались?

— Около... часа назад, верно, Леон? Когда мы готовились к представлению.

Густые черные брови доктора поползли вверх.

— Очень странно, — сказал он, — что они участились так быстро.

— Ну тем не менее, — прозаически ответила девушка.

Доктор, покряхтывая, встал, отряхнул колени:

— Что ж, полагаю, для пущей безопасности вам лучше отправиться в больницу. Где ваша машина?

— У нас нет машины, — ответил молодой человек.

— Нет машины?

Доктор поозирался кругом, словно пытаясь понять, как сюда попала вся их оснастка: громоздкая

сцена, груда костюмчиков, винная коробка, из картонных отделений которой торчали головы кукол.

— Нас подвез на грузовике мистер Кенни, — сказал молодой человек. — Председатель комитета по сбору средств.

— Ладно. Тогда пошли со мной, — сказал доктор. — Я отвезу вас. — Похоже, его такая возможность искренне обрадовала. Он спросил: — Да, а куклы? Возьмем их с собой?

— Нет, — ответил молодой человек. — Какое мне дело до кукол? Надо поскорее отвезти ее в больницу.

— Как хотите. — Однако, прежде чем помочь молодому человеку поднять девушку на ноги, доктор огляделся еще раз, словно сожалея о некоей утраченной возможности. И спросил: — Из чего они сделаны?

— Что? — не понял молодой человек. — А, да просто из... всякой всячины. — Он протянул девушке ее сумочку и добавил: — Их Эмили делает.

— Эмили?

— Вот она, Эмили, моя жена. А я — Леон Мердит.

— Рад знакомству, — сказал доктор.

— Они из резиновых мячиков, — сказала Эмили.

Встав на ноги, она оказалась даже более хрупкой, чем выглядела до этого. Эмили повела двоих мужчин к выходу из шатра, грациозно ступая и улыбаясь еще остававшимся там детям. Измятая черная юбка неровно прикрывала ее голени, тонкий белый кардиган с прилипшими к нему черными шерстинками и ниточками и близко не сходил на раздувшемся животе.

— Беру обычный дешевенький резиновый мячик, — говорила она, — прорезаю ножом дырку для шеи. Потом натягиваю на него нейлоновый чулок, пришиваю глаза и нос, рисую рот, делаю волосы из...

Голос девушки пресекся, и доктор окинул ее быстрым взглядом.

— Чем чулки дешевле, тем лучше, — продолжала она. — Они розовые и издали больше походят на кожу.

— Далеко нам идти? — спросил Леон.

— Нет-нет, — ответил доктор. — Моя машина стоит на главной парковке.

— Может, лучше «скорую» вызвать?

— Думаю, она не понадобится, — сказал доктор.

— А вдруг роды начнутся раньше, чем мы доберемся до больницы?

— Вы уж поверьте, если бы я считал это хоть сколько-то вероятным, то повел бы себя иначе. У меня вовсе нет желания принимать роды в моем «понтиаке».

— О господи, только не это, — сказал Леон и скопился на руки доктора, которые выглядели не так чтобы очень чистыми. — Но Эмили говорит, что он может родиться в любую минуту.

— Это верно, — спокойно подтвердила Эмили.

Она шла между ними, без какой-либо помощи поднимаясь по склону к парковке. И поддерживала ребенка на весу, как будто он уже существовал отдельно от нее. С плеча Эмили свисала потертая черная сумочка. В солнечном свете волосы ее, уложенные двумя косами вокруг головы, серебрились, вверх выбивались похожие на маленькие штопоры прядки, словно притянутые магнитом металлические опилки.

Кожа Эмили казалась холодной, тонкой и бледной, но глаза оставались спокойными. Похоже, она ниче-го не боялась. И взгляд доктора встретила твердым взглядом.

— Я его чувствую, — сказала она.

— Он у вас первый?

— Да.

— Ага, но тогда он, понимаете ли, никак не может родиться быстро, — сказал доктор. — Самое раннее — глубокой ночью, а то и утром. У вас же и схватки-то начались не больше часа назад!

— Может, так, а может, и нет, — ответила Эмили и вдруг, тряхнув головой, исподлобья посмотрела на доктора. — Вообще-то боль в спине началась еще в два часа ночи. Возможно, это и были схватки, а я просто *не поняла*.

Леон тоже смотрел на доктора, который вроде бы на миг заколебался.

— Доктор?..

— Все мои пациенты уверяют меня, что их ребенок вот прямо сейчас родится, — сказал Леону доктор. — И этого никогда не случается.

Они уже дошли до белого щебня парковки. Ее пересекали самые разные люди — одни только что приехали и шли, придерживая свои плащи, которые норовил вздуть ветер, другие уже покидали ярмарку — с шариками, плачущими детьми, плоскими картонными коробками с подрагивавшей помидорной рассадой.

— Тебе не холодно? — спросил Леон. — Хочешь мою куртку?

— Все хорошо, — ответила Эмили, хотя под кардиганом у нее только и было одежды, что жалкая